

Небывалый эмоциональный подъем, вызванный историческими обменными гастролями Большого и Мариинского театров, освобождает от дополнительных комментариев по самому этому поводу. Нужно еще раз воскликнуть: «Браво!» правительствам обеих столиц, Госконцерту и переходить к обсуждению не общественно-политической, а художественной сути произошедшего.

Вихревые токи, идущие в последние годы из Санкт-Петербурга, создают невиданную ранее в России динамику оперного творчества и оперного производства. Несомненно, это конвейер (4–5 премьер в год), часто сопровождаемый популистскими лозунгами и демонстрациями, громкими мемориальными акциями-однодневками и пр. Но несомненно, что это и необычайное оживление процесса, когда можно не особенно

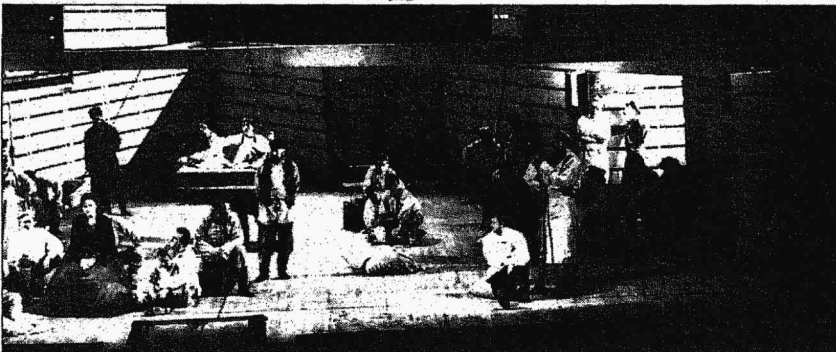
отиться о своей исторической роли, без боязни и самодовольных поз просто ставить спектакли: получилось — хорошо, не получилось — переживем и пойдем дальше. Благодаря этой развитой турбулентной скорости на сцене появляются любые авторы, постановочные группы, проекты, гастролы могут быть успешными или, наоборот, печальными (как недавно в Париже), но они есть. Есть записи, контракты, фильмы, влияние, выходящее далеко за пределы России. Есть, наконец, наступательный, даже экспансионистский дух Мариинки, что самое главное, ибо продуктивно влияет на самосознание питерских артистов. У них нет страха перед новым материалом, их не останавливает неизвестность. Успех московских гастролей — прежде всего успех новых постановок, созданных не пять, десять, пятьдесят лет назад, а еще не истекшем сезоне. А говорим, конечно, о двух операх Рихарда Вагнера, героем которых стал Валерий Гергиев.

«Летучий Голландец» превосходит ожидания даже самого благонастроенного к Мариинке наблюдателя. Это не просто гармоничный в своих составляющих спектакль, завораживающий визуальным рядом и сильным образным воздействием. Бы не обнаружите следов тяжелой борьбы русских артистов и музыкантов с новой музыкой, как будто все только и ждали прихода маэстро с немецкими нотами. Гергиев, на удивление, строг и собран (хотя считается, что вспыльчив и неистов), и это в романтическом вагнеровском опусе, где уж, казалось, дирижер мог бы разгуляться в своих извечных качествах.

Песчаное дно, гигантский ко-

Что имел в виду дедушка?

В Москве завершились спектакли оперной труппы Мариинского театра

Сцена из спектакля «Катерина Измайлова»

рабль-призрак со вспоротыми внутренностями, раздваивающийся, расходящийся по сторонам и вверх, парящий во всем пространстве сцены, — таков мир Вагнера с точки зрения поздних интерпретаторов: сценографов Георгия Цыпина, Евгения Монахова и режиссера Темура Чхеидзе, абсолютно растворившегося в ансамбле певцов-артистов.

Наиболее совместимы с общим решением певшие московскую премьеру. Николай Пугилин — Голландец — замкнутая в себе сила, не человек, а сверхчеловек, источающий в земной мир свой грозный вотановский голос: необыкновенной выразительности. Лариса Гоголевская со своим «проблемным» тембром (иногда трудными верхами) и драматической неистовостью создает Сенту, девушку, с «неадекватным» поведением, в ней живет устремление к пропасти. (К счастью, в Москве героиня, как и положено у Вагнера, топилась, бросившись с обрыва за отплывающим кораблем Голландца, а не вешалась на бы-

товой почве, как на премьеру в Петербурге.) Самых добрых слов заслуживают Далад Геннадия Беззубенкова и Эрик Леонида Захожаева.

Другой состав исполнителей больше актерствовал. Хорошо, если в меру и со смыслом, как Владимир Ванев (Голландец) и Станислав Швец (Далад), а если это злостное оперное кривляние Константина Плужникова — Эрика? Увидели мы и замечательную работу Млады Худоль (новое приобретение труппы), чей вокальный и сценические данные абсолютно соответствующие партии Сенты, со временем будут раскрыты.

Следовавшая за «Голландцем» «Хованщина» настолько роняла репутацию театра, что говорить о ней долго не хочется. Впечатление, будто опера исполнялась на китайском языке, настолько невнятен текст, формально сценическое существование и посредственный вокал. Старая постановка Л. Баратова и Ф. Федоровского является собой ухудшенную копию

спектакля Большого театра и ясно дает понять, что не существует никакого особого вокального и сценического стиля, связанного именно с этим городом, школой, традицией: поют здесь русскую оперу, как все и везде. Но что особенно важно, в современном Мариинском театре существуют несколько театров, несколько его временных срезов: есть новая опера, возводимая Гергиевым, а есть необоримая российская сермяга, с которой ничего не может поделать даже сам лидер. Да, видимо, и не хочет времени тратить. Он участвует в жизни «Хованщины» иным образом: постановка была недавно отправлена им в Ла Скала. Чтобы засунуть эту рухляк на время в миланский репертуар, надо действительно обладать недюжинной менеджерской сметкой.

От «Хованщины», достойной страдания, все устремилось к кульминационному «Парсифалу», достойному любви. Заранее было понятно: акция Гергиева беспрецедентна. Через 80 лет в Россию

возвращался не просто Вагнер, а его самое зашифрованное и труднодоступное понимаемое творение. Шаг почти вызывающий, опять-таки на грани популистской демонстрации. Если бы не достигнутый ошеломляющий результат! Гергиев с английским кинорежиссером Тони Палмером, воспользовавшись декорациями покойного Евгения Лыска, нашего выдающегося сценографа, взбудоражили фантомное вагнеровское чувство русских людей. Мало, кто Вагнера видел, но мало, кто не представлял бы себе мир его «театра будущего». И вот, как невидимый Китеж, торжественная пятичасовая мистерия встала из мрака подсознания и воплотилась в эпически мощный спектакль.

Гергиев напрасно волновался относительно выдержки московского зрителя — до конца спектакля зал Большого был полон, кстати, это единственный гастрольный спектакль, вызвавший аншлаг. Гергиев с его тончайшим оркестром, выписывающий бесконечные пространственные и временные ландшафты, был вознагражден пониманием зала. Овации ожидали вокалистов — так и хочется сказать вагнеровских вокалистов — опять-таки Геннадия Беззубенкова (Гурнеманц), Ларису Гоголевскую (Кундри) и Николая Пугилина (Клингзор). Их пение вновь, как и в «Голландце», восхищало концентрацией мысли и звука, драматической выразительностью и философской отрешенностью.

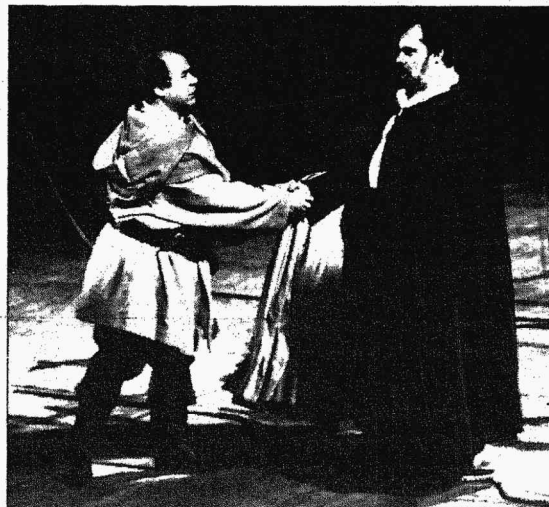
Сложнее с Тони Палмером. Он предложил режиссуру, полную сказочных наивностей, зачастую вовсе не того уровня сценической виртуозности и выдумки, какая заложена в замысле автора. Ну да ладно, главная его роль в другом: он — фигура европейского значения, посетитель Байреута, человек известный в семье Вагнеров, может свободно позвонить туда и

спросить: «А что дедушка имел в виду?» по поводу любой ремарки. Он теперь обеспечит известность петербургскому «Парсифалу», раскупит его на все сто. Уже снята киноверсия с участием Пласидо Доминго, спектакль ездил в Италию, Финляндию, еще поедет. Словом, учитесь приглашать кого надо.

Как ни странно, но московский показ «Парсифала» стал для меня вовсе не особым спиритуальным актом, а просто очень качественным спектаклем. Видевшие премьеру в Петербурге, наоборот говорили о высотах духа, на которые их поднимало зрелище. То ли иное пространство, то ли психологические условия гастрольных выступлений, но «блаженство в вере» как декларируемая сверхзадача постановщиков, оказалась категорией умозрительной, а не явленной. Это ни в коем случае не упрек, и дело не в моей бесчувственности как критика. Думаю, спектакль настолько внутренне богат и содержателен, что еще сам не вполне осознал весь комплекс своих возможностей.

Итак, в «Парсифале» совершилось решающее восхождение театра к высотам своей профессиональной веры. И мы счастливы, что присутствовали при этом, сумели заглянуть во многообещающее будущее. Вот только промелькнувшая не так давно пугающая мысль, что хорошо бы Мариинскому театру слиться с Большим в едином взаимоплодотворяющем организационно-творческом порыве, не дает покоя. Это слияние, мол, даст новое качество искусства. Лозунг опасный, основанный на незнании философии Большого. Если Гергиев хочет все созданное им разрушить, если ему не жалко — пусть сливается. Но, право же, нельзя быть таким неразборчивым в выборе партнера.

фото Юлии Мариной

Далад (Геннадий Беззубенков) и Голландец (Николай Пугилин) быстро спелись...